

УДК 821.161.1
ББК 83.3(4Рос)6

Д.В.Кротова

**ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
О «НЕБЫВАЛОЙ ОСЕНИ»
(В.ШАЛАМОВ
И А.АХМАТОВА)**

В статье сравниваются стихотворения «Какая в августе весна?..» В.Шаламова и «Небывалая осень построила купол высокий...» А.Ахматовой. Утверждается, что стихотворения посвящены художественному осмыслению сходного психологического феномена. На основании проведенного сопоставительного анализа делаются выводы как об общих чертах, так и о глубоких различиях в поэтике двух авторов. Выявляются элементы связи между художественными установками Шаламова и принципами акмеизма.

Ключевые слова: *русская литература, поэзия XX века, Шаламов, Ахматова, акмеизм, традиции, психологизм.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-3-36-43

Кротова Дарья Владимировна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова
Тел.: 8-926-125-23-30
E-mail: da-kro@yandex.ru

© Кротова Д.В., 2016.

Поэты, особенно современники, порой осмысливают в своем творчестве сходные психологические феномены, в произведениях разных художников иногда оказывается очерчен родственный спектр переживаний. Иногда это общее восприятие коллизий эпохи, иногда – сходное осмысление событий частной жизни, а иногда – скрытый диалог или даже полемика двух поэтов. Так, эмоциональный параллелизм, вполне отчетливо ощутимую связь читатель встречает в стихотворениях поэтов, художественные миры которых, казалось бы, далеки друг от друга, – В.Шаламов («Какая в августе весна?..») и А.Ахматова («Небывалая осень построила купол высокий...»). Названные стихотворения созданы поэтами столь непохожих творческих установок, по времени создания разделены десятилетиями (стихотворение Ахматовой написано в 1922 г., а Шаламов записал свое стихотворение, как и все прочие свои поэтические произведения, не ранее 1949 г.). Но родство эмоционального и образного ряда здесь несомненно, и сравнение этих текстов позволяет размышлять как об общих чертах, так и о глубинных различиях в поэтике их авторов.

Оба стихотворения посвящены изображению похожего психологического явления – ощущения весны, которое вдруг появляется осенью (в стихотворении Шаламова – накануне осени, в августе). У обоих поэтов неожиданный «приход» весны воспринимается как чудо. В стихотворении Ахматовой непостижимым образом преобразается природа – небо становится

высоким и ярким, вода каналов – «изумрудною», крапива пахнет «как розы, но только сильнее» [Ахматова, с. 129]. Из последней (самой главной, как часто бывает у Ахматовой) строки стихотворения читатель узнает, что преображение природы сопровождается переломный момент в частной жизни лирической героини («Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему» [Там же]), и мир природы оказывается созвучен радости встречи. Для Ахматовой, как для поэта, близкого художественным установкам акмеизма, внешняя, вещественная грань действительности играет особенно значимую роль, и в этом стихотворении акцент сделан именно на природной картине (что, безусловно, служит раскрытию внутреннего состояния лирической героини).

Стихотворение Шаламова одновременно и резонирует с ахматовским текстом, воплощая отчасти близкий комплекс эмоций, и, в то же время, контрастирует с его образным рядом. Это тоже стихотворение о странной, не вовремя вдруг пришедшей весне. Но если у Ахматовой изображается яркая, ясная природа, то у Шаламова – совсем иная, это осенний пейзаж, который, как кажется, не предполагает вовсе поворота к весеннему обновлению: горизонт заволокло «темной пеленой», небосвод «безнадежен», сама осень названа «неряхой» и «грязнулей». Но на этом мрачном фоне в последних двух строках стихотворения звучит признание: «И все же в сердце зажжена / Весна» [Шаламов, 1998а, с. 252]. Шаламов обращается здесь к приему, характерному для Ахматовой, – это специфические концовки «с их неожиданными смысловыми поворотами, нарушающими инерцию восприятия» [Кихней, с. 25]. Последние строки шаламовского стихотворения, как и во многих случаях у Ахматовой, меняют смысл всего текста: читатель осознает, что, вопреки хмурой природной картине, это стихотворение о весне, которая неожиданно пришла в сердце. Если в стихотворении Ахматовой чудом становится внезапное весеннее преображение природы, то у Шаламова – весеннее преображение человеческой души.

Вполне можно предположить, что Шаламов создавал свое стихотворение, помня об ахматовском решении сходной темы. Наверняка ахматовский текст был знаком ему, ведь творчеством Ахматовой Шаламов очень интересовался, ее имя неоднократно упоминал в статьях и письмах, отмечал, что лирика Ахматовой относится к числу вершинных достижений русской литературы. Так, в статье «Таблица умножения для молодых поэтов» Шаламов призывал «знать поэтическое наследие XX века, не ограничиваясь XIX-м» [Шаламов, 1998б, с. 299], и в ряду поэтов, необходимых для изучения, называл Ахматову. Признание Шаламовым безусловной ценности и значимости лирики Ахматовой содержатся и в его частной переписке, например, в письмах к Н.И.Столяровой. О скрытом диалоге с Ахматовой в анализируемом стихотворении свидетельствует не только общность темы и отдельных поэтических приемов, но даже особенности формы – как и «Небывалая осень...», оно записано без разделения на строфы. Такая специфическая «графика» и у Шаламова, и у Ахматовой имеет важное содержательное наполнение: за счет отсут-

ствия пробелов между строфами создается впечатление целостного лирического высказывания, непрерывного монолога, который невозможно разделить на фрагменты.

В то же время, при ощутимой связи с ахматовским текстом, Шаламов ставит совсем другие образные и смысловые акценты. Стихотворения, близкие тематически, глубоко различны по своему эмоциональному облику, по отношению лирического героя к внезапно наступившей «весенней» перемене. У Ахматовой – это приятие дарованной «весны», лирическая героиня Ахматовой душевно открыта свершающемуся чуду, она с радостью видит и принимает красоту преображенного мира. Она восхищается красками «осенней весны», радостно удивляется, что вместо «студеных», «влажных» дней природой подарено небо без единого облачка, и даже ждет, что вот-вот «забелеет прозрачный подснежник». Это стихотворение о счастье принимаемого дара – дара неожиданной весны и дара желанной встречи.

Эмоциональный фон шаламовского стихотворения совсем другой. Оно начинается со скептического вопроса: *«Какая в августе весна? / Кому нужна теперь она?»* [Шаламов, 1998а, с. 252]. Лирический герой Шаламова вовсе не склонен доверять повеявшему дыханию весны. Ему хочется отстранить, отбросить от себя это, казалось бы, ненужное осенью весеннее чувство – он стремится убедить себя, что *«невозможны чудеса»*, что природа *«шепчет... о сентябре»*, что *«не может время мне помочь / Обратно лето приволочь»* [Там же]. Но несмотря на старательные попытки убедить себя в том, что весенняя пора и весенняя радость для него уже не настанет, против воли он неожиданно ощущает в природе не только увядание: несмотря на сумрачный пейзаж стихотворения, вечер назван «золотым», а сама природа – «земной красотой». Стараясь не пускать в свою душу эту красоту, он понимает в то же время, что не в силах сопротивляться ей. Он чувствует себя будто «пьяным», не вполне владеющим собой, и мир тоже как будто пьянеет этой внезапной «весенней осенью»: *«Моя кружится голова, / И пляшет пьяная листва»* [Там же]. Никакие усилия сознания или памяти не могут отменить странные, «несвоевременные» чувства. Если лирическая героиня Ахматовой с надеждой принимает дар, то в стихотворении Шаламова «весна» охватывает душу вопреки недоверию и скепсису лирического героя. Абсолютно несходную трактовку родственного психологического феномена можно объяснить и кардинальным различием типов творческой личности, которые являют собой Шаламов и Ахматова, и, конечно, их столь по-разному складывавшимися судьбами. Ахматова в 1922 г., когда появилось это стихотворение, сохраняла, несмотря на ряд пережитых тягостных событий, и надежду, и веру в новый, более счастливый период жизни. Мироощущение Шаламова послеколымских лет было окрашено острым драматизмом, что нашло отражение и в стихотворении, которое мы рассматриваем. И все же при несомненном различии в восприятии мира этими поэтами, считаем необходимым еще раз подчеркнуть очевидный параллелизм избранных для анализа текстов. «Диалог» Шала-

мова с Ахматовой далеко не случаен и подтверждает мысль о том, что в художественном мире столь далеких друг от друга, на первый взгляд, творческих личностей можно увидеть не только очевидные различия, но и существенные пересечения.

Поэтический мир Ахматовой, при всем его несхождении с шаламовским, не был Шаламову чужд. В эссе, посвященном творчеству Ахматовой, Шаламов отмечает, что «стихи “Ты письмо мое, милый, не комкай...” и “Звенела музыка в саду...” были стихами юности моей» [Шаламов, 2013а, с. 194]. Здесь же он говорит о своем восприятии Ахматовой-поэта, размышляет о «жизненном явлении, называемом “Ахматова”»: «Это – великий нравственный пример верности своим поэтическим идеалам, своим художественным принципам. Защищая эти принципы... Анна Андреевна много пережила, много приняла горя, не выпуская своего поэтического знамени, держала себя в высшей степени достойно» [Там же].

Шаламов с большим вниманием относился, в первую очередь, к акмеистическим чертам поэтики Ахматовой. «Мне уже приходилось указывать на важность изучения принципов акмеизма», – отмечал он в эссе «Ахматова» [Там же, с. 196]. Акмеизм Шаламов воспринимал не только как поэтическую школу, обогатившую русскую лирику начала века новыми содержательными гранями и техническими возможностями. В его представлении акмеизм был настоящим «учением», системой восприятия мира и нес в себе «какие-то особые жизненные силы, которые дали стихам – бессмертие, а авторам – твердость в перенесении жизненных испытаний, волю на смерть и на жизнь» [Там же, с. 210]. Шаламов считал, что акмеисты «в собственном учении черпали силы для работы и жизни» [Там же]. В представлении Шаламова, принципы акмеизма были настолько значимы, что «ни Ахматова, ни Мандельштам никогда не отказывались от своих ранних поэтических идей» [Там же]. Когда Шаламов задается вопросом, «что лучше – Ахматова первых стихов или Ахматова “Бега времени”?» – он отвечает, что в поздней лирике «акмеистические идеи ранней Ахматовой обогащены введением подтекста, обращением к вечности, символикой, вторым планом, “утяжелением” стиха» [Там же, с. 194], при этом само мышление Ахматовой, даже в ее стихотворениях шестидесятых годов, остается акмеистическим.

Хотя в поздних записных книжках Шаламова есть замечание о том, что «мое сердце... не могли отравить никакие акмеистические яды» [Там же, с. 202], эти слова необходимо воспринимать с долей юмора, как и высказывание Шаламова о том, что «Державин – отец акмеизма» [Там же, с. 296]. Но само по себе внимание к акмеистической поэтике у Шаламова далеко не случайно. Е. Волкова, размышляя о лирике Шаламова, справедливо отмечает, что «ее неоромантическая и символистская окраска более чем очевидна» [Волкова, с. 169]. Соглашаясь с утверждением исследователя, следует отметить, вместе с тем, что и изучение акмеизма не прошло даром для Шаламова. «Блестящий знаток русской поэзии, строгий и педантичный критик, незаурядный теоретик-стиховед» [Есипов, с. 19] – Шаламов не мог пройти мимо такого значимого явления в

литературе, каким был акмеизм. «Мой зааконный мир, / Являйся на бумагу, / Ходи в тиши квартир / Своим звериным шагом» [Шаламов, 1998а, с. 99], – этот призыв Шаламова в его стихотворении «Неосторожный юг...» звучит вполне «по-акмеистически», ведь внимание к предметному, вещественному миру, который и должен стать объектом поэтического осмысления, – это и есть главный лозунг акмеизма. Безусловно, и у самих акмеистов, и у Шаламова это не означало сужения поэтической проблематики, отказа допустить в лирику область сугубо интимных переживаний. Но установка на то, что в стихах должен отражаться мир во всем его красочном разнообразии, «борьба за этот мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время» [Городецкий, с. 48] – имеет основополагающее значение для акмеизма и является важным для Шаламова творческим принципом. А метафора Шаламова о «зверином шаге» мира заставляет вспомнить о Гумилеве с его «звериной» тематикой в лирике и его словами о том, что «как адамысты, мы немного лесные звери» [Гумилев, с. 18]. Но если говорить о том, какой именно «вариант» акмеизма был Шаламову ближе, то это скорее не гумилевское понимание, а ахматовское – с характерным для ее лирики воплощением сложнейших внутренних переживаний через внешние детали. Л.Г.Кихней, размышляя о творческом методе ранней Ахматовой, говорит об «образах внешнего плана бытия, из которых воссоздается картина лирического переживания» [Кихней, с. 18]. У Шаламова сходный принцип также реализуется в ряде стихотворений. Особенно характерные подтверждения тому можно найти в цикле «Синяя тетрадь», например, стихотворение «Следов твоих ног на тропинке таежной...», в котором образ возлюбленной складывается именно из характерных, ярко запечатлевшихся в памяти лирического героя внешних примет – след ее ноги на тропинке в тайге, ее походка, улыбка; или стихотворение «Я забыл погоду детства...», где представление и воспоминание об ушедшей счастливой детской поре рождаются из конкретных деталей, обретающих для автора глубокое эмоциональное наполнение, – запах можжевельника и ягоды-кислицы, цвет васильков, освещенных ярким солнцем:

...
*И осталось так немного
В бедной памяти моей –
Васильковые дороги
В красном солнце детских дней,*

*Запах ягоды-кислицы,
Можжевельных кустов
И душистых, как больница,
Подсыхающих цветов.*
[Шаламов, 1998а, с. 16].

Образ детства здесь создается по-акмеистически точными деталями, что заставляет вспомнить, прежде всего, именно об ахматовских поэтических принципах.

Шаламов ценил Ахматову не только как выразителя новых, акмеистических художественных законов, но и как поэта, который хранит, продолжает и развивает и русскую классическую традицию. Это важнейший фактор, объединяющий орбиты, на первый взгляд, столь далеких художественных вселенных, как Шаламов и Ахматова. Обоим свойственно тяготение к классическим формам стиха, стремление не к броскому формальному новаторству, а к обновлению поэтики изнутри, когда новые элементы инкорпорированы в, казалось бы, традиционные структуры. Шаламов отмечал: «Ахматова была ревностной сторонницей классических русских размеров стиха, канонических размеров, прекрасно понимая всю бесконечную силу, бесконечное разнообразие, безграничную возможность русского классического стиха» [Шаламов, 2013а, с. 195]. Свою собственную приверженность классическим формам Шаламов тоже постоянно подчеркивал (так, в переписке с Я.Гродзенским он размышлял о своем увлечении «каноническим русским стихом» [Шаламов, 2013б, с. 347]). В этом смысле поэтическое мышление Ахматовой было Шаламову, безусловно, близко.

Объединяет Шаламова и Ахматову и выраженная ориентация на пушкинскую поэтику. О своем тяготении к пушкинским традициям Шаламов неоднократно говорил в своих статьях и письмах, например, в письме к О. Михайлову: «История русской прозы XIX века мне представляется постепенной утратой пушкинского начала, потерей тех высот литературных, на которых находился Пушкин» [Фомичев, с. 71]. Здесь Шаламов делает акцент на значимости пушкинской прозаической традиции, но, как и для любого художника, работающего и над стихами, и над прозой, эти сферы творчества для него тесно связаны, и ориентиры, значимые в области прозы, существенны и в поэзии. Кроме того, Шаламову очень близка была поздняя пушкинская лирика («Шаламов говорил, что ему ближе всего в русской поэзии ранний Пастернак и поздний Пушкин», – замечает В.В.Иванов [Иванов]).

Принципиально важно, что художественные миры Шаламова и Ахматовой связаны не только родственными элементами поэтики, но и идейно – Шаламову был близок глубочайший патриотизм Ахматовой, не случайно он столь высоко ценил ее стихотворение «Родная земля». Наконец, Шаламова и Ахматову связывает сходное понимание задач поэта, его миссии. Общим для обоих поэтов является стремление отразить в своем творчестве трагедию тысяч людей, говорить от имени бесчисленных жертв. Характерны ахматовские строки из «Реквиема»: *«И если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит стомиллионный народ...»* [Ахматова, с. 254]. Но и задолго до сороковых годов Ахматова осознавала свою поэтическую миссию как отражение исторических трагедий, пережитых ее поколением: *«Из памяти, как груз отныне лишней, / Исчезли тени песен и страстей. / Ей – опустевшей – приказал Всевышний / Стать страшной книгой грозových вестей»* [Там же, с. 90]. Приведенные строки коррелируют со многими признаниями Шаламова (как в его поэзии, так и в прозе) в том, что его цель – рассказать правду о

пережитом десятками тысяч людей. «На свете нет ничего более низкого, чем намерение "забыть" эти преступления», – размышлял Шаламов о трагедии лагерей в письме к Пастернаку [Шаламов, 2013б, с. 68].

Систематичный, последовательный сравнительный анализ поэтики Шаламова и Ахматовой является задачей отдельного исследования. Но даже на материале сопоставления двух стихотворений в рамках нашей статьи очевиден диалог этих авторов, очевидно обращение Шаламова к поэтической традиции, сформированной Ахматовой. Соотнесенность с этой традицией в рассмотренном стихотворении Шаламова, а также отмеченные нами параллели художественных миров двух авторов еще раз доказывают, насколько глубока связь, соединяющая Шаламова с вершинными достижениями искусства Серебряного века.

Литература

- Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. М., 2001.
 Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М., 1998.
 Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. №1.
 Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н.С. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1991.
 Есипов В.В. «Мы море переходим вброд вдоль проволоки колючей...» // Новая газета. № 121. 28 октября 2013. С. 19.
 Иванов В.В. Поэзия Шаламова [Электронный ресурс]. // URL: <http://shalamov.ru/research/175/> (дата обращения: 8 августа 2016).
 Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997.
 Фомичев С. По пушкинскому следу // Шаламовский сборник: вып. 3 / сост. В. В. Есипов. Вологда, 2002.
 Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 3. М., 1998а.
 Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 4. М., 1998б.
 Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 тт. + т.7, доп. Т. 5. М., 2013а.
 Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 тт. + т.7, доп. Т. 6. М., 2013б.

References

- Akhmatova A.A. Stikhotvoreniya i poetry. M., 2001. 304 s.
 Volkova E.V. Tragicheskii paradoks Varlama Shalamova. M., 1998. 176 s.
 Gorodetskii S.M. Nekotorye techeniya v sovremennoi russkoi poezii // Apollon. 1913. №1. S. 46-50.
 Gumilev N.S. Nasledie simvolizma i akmeizm // Gumilev N.S. Soch.: v 3 t. T. 3. M., 1991. S. 16-20.
 Esipov V.V. «My more perekhodim vbrod vdol' provoloki kolyuchei...» // Novaya gazeta. № 121. 28 oktyabrya 2013. S. 19.
 Ivanov V.V. Poeziya Shalamova [Elektronnyi resurs]. // URL: <http://shalamov.ru/research/175/> (data obrashcheniya: 8 avgusta 2016).
 Kikhnei L.G. Poeziya Anny Akhmatovoi. Tainy remesla. M., 1997. 144 s.
 Fomichev S. Po pushkinskomu sledu // Shalamovskii sbornik: Vyp. 3 / sost. V. V. Esipov. Vologda, 2002. C. 71-91.
 Shalamov V.T. Sobr. soch.: V 4 tt. T. 3. M., 1998a. 526 s.

Shalamov V.T. Sobr. soch.: V 4 tt. T. 4. M., 1998b. 494 s.

Shalamov V.T. Sobr. soch.: V 6 tt. + t.7, dop. T. 5. M., 2013a. 384 s.

Shalamov V.T. Sobr. soch.: V 6 tt.+ t.7, dop. T. 6. M., 2013b. 608 s.

Krotova D. V. (Moscow, Russian Federation)

Two poems about “fabulous autumn” (V. Shalamov, A. Akhmatova)

The article compares the poem «What spring in August?...» by V. Shalamov and «Fabulous autumn has built high dome...» by A. Akhmatova. It is proved that the two poems are dedicated to artistic interpretation of a similar psychological phenomenon – the feeling of spring, which suddenly appears in autumn (Shalamov – the eve of the autumn, in August). It is identified and analyzed a common theme as related features, significant differences in the interpretation of the two poets. It is suggested that Shalamov, creating a poem, remembered Akhmatova’s interpretation, as evidenced by its appeal to the characteristic of Akhmatova’s poetic techniques, for example, special semantic load of the final lines of the poem. Akhmatova corresponds to the text and specific stanzas of the poem by Shalamov. It is proved that the “dialogue” with Akhmatova and Shalamov is not accidental, and being in the art world so distant from each other, at first glance, creative people can see not only the obvious differences, but also the depth of intersection. Particular attention is given to the interest of Shalamov to acmeist poetics. It is proved that the closest to Shalamov’s poetry was the realization of laws of acmeism presented in the lyrics by Akhmatova. It is marked in the article parallels of art worlds of Shalamov and Akhmatova and proved how deep Shalamov is connected with the highest achievements of art of the Silver Age.

Key words: Russian literature, XX century poetry, Shalamov, Akhmatova, acmeism, traditions, psychology.

Krotova Darya Vladimirovna – candidate of philology, lecturer. Moscow State University, faculty of philology, the newest Russian literature history and modern literature process dpt.

Phone: 8-926-125-23-30; e-mail: da-kro@yandex.ru